

Архиепископ Иоанн Златоуст

**Творения Святого Отца
нашего Иоанна Златоуста,
архиепископа
Константинопольского**

Том 7. В двух книгах. Книга 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 009
ББК 6/8
3-67

- 3-67 **Златоуст А.**
Творения Святого Отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского: Том 7. В двух книгах. Книга 1 / Архиепископ Иоанн Златоуст – М.: Книга по Требованию, 2023. – 473 с.

ISBN 978-5-519-70988-0

Печать разрешена Советом Санкт-Петербургской Духовной Академии
в лице Бориса, епископа Ямбургского, ректора Академии.

ISBN 978-5-519-70988-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО
ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архієпископа Константинопольскаго,
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἑνὸς. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

~~~~~
КНИГА ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание С.-Петербургской Духовной Академіи.
1901.

Отъ Совета С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется
С.-Петербургъ, 2 октября 1900 года.

Ректоръ Академіи *Борисъ*, Епископъ Ямбургскій.

Reprinted by
JUN

Типографія А. П. Лопухина. Тельжинная ул., д. 5.

Тепершній видъ Антіохіи, мѣста служенія
св. Іоанна Златоуста.

СВЯТАГО ОУДІ НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО, АРХІЕПІСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО, ТОЛКОВАНІЕ НА СВЯТАГО МАТВЕЯ ЕВАНГЕЛИСТА.

БЕСѢДА І.

ДО НАСТОЯЩЕМУ, намъ не слѣдовало бы имѣть и пужды въ помощи Писанія, а надлежало бы вести жпзнь столь чистую, чтобы вмѣсто книгъ служила нашимъ душамъ благодать Духа, и чтобы, какъ тѣ исписаны чернилами, такъ и наши сердца были исписаны Духомъ. Но такъ какъ мы отвергли такую благодать, то воспользуемся ужъ хотя бы вторымъ путемъ. А что первый путь былъ лучше, это Богъ показаль и словомъ и дѣломъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ Ноемъ, Авраамомъ и его потомками, равно какъ съ Іовомъ и Моисеемъ, Богъ бесѣдовалъ не чрезъ письмена, а непосредственно, потому

- что находилъ ихъ умъ чистымъ. Когда же весь еврейскій народъ палъ въ самую глубину нечестія, тогда уже явились письменна, скрижали и наставленіе чрезъ нихъ. И такъ было не только со святыми въ ветхомъ завітѣ, но, какъ извѣстно, и въ новомъ. Такъ и апостоламъ Богъ не далъ чего-либо писаннаго, а обѣщаль вмѣсто писаній даровать благодать Духа. Той, сказалъ Онъ имъ, *вспомынетъ вамъ вся* (Іоан. xiv, 26). И чтобы ты зналъ, что такой путь (общенія Бога со святыми) былъ гораздо лучше, послушай, что Онъ говоритъ чрезъ пророка: *заповѣщаю вамъ заветъ новъ, даю законы моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ напишу я, и будутъ вси научени Богомъ* (Іерем. xxxi, 31—34; Іоан. vi, 45). И Павелъ, указывая на это превосходство, говорилъ, что онъ получилъ законъ (написанный) *не на скрижаляхъ каменныхъ, но на скрижаляхъ сердца плотныхъ* (2 Кор. iii, 3). Но такъ какъ съ теченіемъ времени одни уклонились отъ истиннаго ученія, другіе отъ чистоты жизни и нравственности, то явилась опять нужда въ наставленіи письменномъ. Размысли же, какое будетъ безразсудство, если мы, которые должны бы жить въ такой чистотѣ, чтобы не имѣть и нужды въ Писаніи, а вмѣсто книгъ представлять сердца Духу,—если мы, утративъ такое достоинство и возымѣвъ нужду въ Писаніи, не воспользуемся, какъ должно, даже и этимъ вторымъ врачевствомъ. Если достойно укоризны уже то, что мы нуждаемся въ Писаніи и не привлекаемъ къ себѣ благодати Духа, то какова, подумай, будетъ наша вина, если мы не захотимъ воспользоваться и этимъ пособіемъ, а будемъ презирать Писаніе, какъ излишнее и ненужное, и такимъ образомъ навлекать на себя еще большее наказаніе? Чтобы этого не случилось, вникнемъ тщательнѣе въ то, что написано, и рассмотримъ, какъ данъ былъ ветхій законъ, и какъ—новый завітъ. Итакъ, какимъ образомъ, когда, и гдѣ данъ былъ древній законъ? Послѣ гибели египтянъ, въ пустынѣ, на горѣ Синаѣ, въ огнѣ и дымѣ, выходившемъ отъ горы, при звукѣ трубы, среди грома и молній, по вшествіи Моисея въ самый мракъ. А въ новомъ завітѣ не такъ: не въ пустынѣ, не на горѣ, не среди дыма и мрака, тьмы и бури, а при наступленіи дня, въ домѣ, когда всѣ сидѣли вмѣстѣ,—все происходило при глубокой тишинѣ. Для людей грубыхъ и необузданныхъ нужны были чувствєнные поразительныя явленія, какъ пустыня, гора, дымъ, трубный звукъ и тому подобное; для людей же болѣе возвышенныхъ, болѣе покорныхъ и ставшихъ выше чувствєнныхъ понятій, ни въ чемъ такомъ не было нужды. Если же и надъ апостолами былъ шумъ, то не ради нихъ, а ради присутствовавшихъ іудеевъ, ради которыхъ явились и огненные языки. Въ самомъ дѣлѣ, если послѣд-

ніе не смотря и на это говорили [про апостоловъ], что они *тѣмъ исполнены суть* (Дѣян. II, 13), то тѣмъ болѣе сказали бы такъ, если бы не видѣли ничего подобнаго. Далѣе, — въ ветхомъ за-вѣтѣ Богъ сошолъ, когда Моисей взошолъ [на гору] (Исх. XIX, 3); здѣсь же Духъ сошолъ, когда наше естество вознелось на небо, а лучше сказать — на царскій престолъ. Если бы Духъ былъ меньше, то явленія [сопровождаяшія Его пришествіе] не были бы болѣе величественными и чудесными, а между тѣмъ новозавѣтныя скрижали гораздо превосходятъ вѣтхозавѣтныя, равно какъ и событія славнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, апостолы не съ горы сошли съ каменными досками въ рукахъ, подобно Моисею, а неся въ душѣ своей Духа, и всюду ходили, источая сокровище и источникъ ученій, даровъ духовныхъ и всякихъ благъ, ставъ по благодати одушевленными книгами и законами. Такъ они привлекли [къ вѣрѣ] три тысячи такъ—пять тысячъ, такъ—всѣ народы вселенной, потому что устами ихъ говорилъ ко всѣмъ приходящимъ къ нимъ Богъ (Дѣян. II, 41 и IV, 4). Такъ и Матѣей, исполнившись Духа Божія, написалъ книгу, — Матѣей мытарь; я не стыжусь называть по занятію ни его, ни другихъ апостоловъ, потому что это больше всего и обнаруживаетъ и благодать Духа, и ихъ собственную добродѣтель.

2. Свое произведеніе Матѣей справедливо называть евангеліемъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ всѣмъ, — врагамъ, пелѣждамъ, сидящимъ во тьмѣ, — возвѣщаетъ конецъ наказанія, разрѣшеніе грѣховъ, оправданіе, освященіе, искупленіе, всыновленіе, послѣдіе небесъ и сродство съ Сыномъ Божиимъ. Что же можетъ сравниться съ такимъ благовѣстіемъ? Богъ на землѣ, человекъ на небѣ; все въ соединеніи: ангелы составили одинъ ликъ съ людьми, люди соединились съ ангелами и прочими горніими силами. Очевидно стало, что древняя брань прекратилась, что совершилось примиреніе Бога съ нашимъ естествомъ, діаволъ посрамленъ, демоны изгнаны, смерть связана, рай отверстъ, клятва упразднена, грѣхъ истребленъ, заблужденіе удалено, возвратилась истина, повсюду сѣется и растетъ слово благочестія, небесная жизнь насаждена на землѣ, горнія силы пребываютъ въ дружественномъ общеніи съ нами, ангелы непрестанно сходятъ на землю, и великая явилась надежда на будущее. Вотъ почему Матѣей и назвалъ свою исторію евангеліемъ, какъ бы [давая разумѣть, что] все другое, какъ напр. богатое имуществъ, величіе власти, начальство, слава, почести, и все прочее, почитаемое людьми за благо, составляетъ одни лишь пустыя слова, а обѣтованія, данныя черезъ рыбаей, должны называться въ собственномъ и преимущественномъ смыслѣ благовѣстіемъ. И это

не потому только, что они—блага прочныя и постоянныя и превосходятъ наше достоинство, но и потому, что они даны намъ безъ всякаго труда съ нашей стороны. Не трудами и потомъ, не усиліями и страданіями получили мы то, что имѣемъ, а единственно по любви къ намъ Бога. Но почему, спросимъ, при столь великомъ числѣ учениковъ, пишутъ только двое изъ апостоловъ и двое изъ ихъ спутниковъ,—такъ какъ кромѣ Іоанна и Матвѣя написали евангелія одинъ ученикъ Павла, а другой ученикъ Петра. Потому, что они ничего не дѣлали по честолюбію, но все для пользы. Что же? Развѣ одинъ евангелистъ не могъ написать всего? Конечно, могъ; но когда писали четверо, писали не въ одно и то же время, не въ одномъ и томъ же мѣстѣ, не спосаясь и не сговариваясь между собою, и однако написали такъ, какъ будто все произнесено одними устами, то это служить величайшимъ доказательствомъ истины.

И однако, скажешь ты, случилось противное, такъ какъ они часто обличаются въ разногласіи. Но это-то самое и является вѣрнѣйшимъ знакомъ истины. Въ самомъ дѣлѣ, если бы они были до точности согласны во всемъ—и касательно времени, и касательно мѣста, и самыхъ словъ, то изъ враговъ никто бы не повѣрилъ, что они написали евангелія не сошедшись между собой и не по обычному соглашенію, и что такое согласіе было слѣдствіемъ ихъ искренности. Теперь же представляющееся въ мелочахъ разногласіе освобождаетъ ихъ отъ всякаго подозрѣнія и блистательно говоритъ въ пользу писавшихъ. Если они, относительно мѣста и времени, кое-что написали различно, то это нисколько не вредитъ истинѣ ихъ повѣствованій, что мы и попытаемся, съ Божією помощію, доказать впоследствии. Теперь же просимъ васъ замѣтить, что въ главномъ, заключающемъ основаніе нашей жизни и составляющемъ сущность проповѣди, они нигдѣ одинъ съ другимъ ничуть не разногласятъ. Въ чемъ же именно? Въ томъ, что Богъ сталъ человѣкомъ, творилъ чудеса, былъ распятъ, погребенъ, воскресъ, вознесся на небо и придетъ судить; что Онъ далъ спасительныя заповѣди, ввелъ законъ, не противный ветхозавѣтному; что Онъ—Сынъ, едиnorodный, истинный, единосущный Отцу, и тому подобное. Во всемъ этомъ мы находимъ у евангелистовъ полное согласіе. Если же относительно чудесъ не всѣ все сказали, а одинъ описалъ одни, другой—другія, то тебя это не должно смущать. Если бы одинъ евангелистъ сказалъ все, то были бы излишни остальные; если бы каждый написалъ различное и новое сравнительно съ другими, то не очевидно было бы доказательство ихъ согласія. Вотъ почему они сказали о многомъ и сообща, и каждый изъ нихъ выбралъ вѣ-

что особое, чтобы не оказаться, съ одной стороны, излишнимъ и писавшимъ безъ цѣли, а съ другой—чтобы представить намъ вѣрное доказательство истинны своихъ словъ.

3. Такъ Лука указываетъ и причину, по которой онъ приступаетъ къ писанію евангелія. Чтобы ты имѣлъ, говоритъ, *о ниже научился еси словесѣхъ, утвержденіе* (Лук. I, 4), т. е. чтобы ты удостовѣрился въ томъ, чему часто быть поучаемъ, и пребывать въ твердой увѣренности. Іоаннъ самъ умолчалъ о причинѣ (написанія имъ евангелія), но, какъ говоритъ дошедшее до насъ отъ отцовъ преданіе, и онъ приступилъ къ писанію не безъ причины. Такъ какъ первые три евангелиста по преимуществу старались изложить исторію земной жизни Христа, и ученію о божествѣ Его угрожала опасность остаться пераскрытымъ, то Іоаннъ, побуждаемый Христомъ, приступилъ наконецъ къ написанію евангелія. Это видно какъ изъ самой исторіи, такъ и изъ начала евангелія. Онъ начинается не съ земного, подобно прочимъ евангелистамъ, а съ небеснаго, которое онъ по преимуществу имѣлъ въ виду, и для того составилъ всю книгу. Впрочемъ, не только въ началѣ, а и во всемъ евангеліи онъ возвышеніе прочихъ. Равнымъ образомъ и Матөей, какъ говорятъ, по просьбѣ увѣровавшихъ іудеевъ, пришедшихъ къ нему, написалъ имъ то, что говорилъ устно, и составилъ евангеліе на еврейскомъ языкѣ. Тоже самое сдѣлалъ, по просьбѣ учениковъ, и Маркъ въ Египтѣ. Вотъ почему Матөей, какъ писавшій для евреевъ, не старался показать ничего болѣе, какъ происхождение Христа отъ Авраама и Давида: между тѣмъ какъ Лука, писавшій для всѣхъ вообще, возводитъ родословіе выше, доходя до Адама. Затѣмъ, первый начинаетъ съ рожденія Іисуса Христа, поскольку для іудея не могло быть ничего пріятнѣе, какъ сказать ему, что Христосъ есть потомокъ Авраама и Давида, а второй не такъ начинаетъ, а упоминаетъ предварительно о многихъ другихъ событіяхъ и затѣмъ уже пристунаетъ къ родословію. Что касается согласія евангелистовъ, то мы можемъ доказать его и свидѣтельствомъ всей вселенной, принявшей ихъ писанія, и свидѣтельствомъ самихъ даже враговъ истины. Послѣ евангелистовъ родилось много ересей, учившихъ противно ихъ писаніямъ; одні изъ нихъ приняли все сказанное въ послѣднихъ, а другіи принимаютъ только часть, отдѣливъ ее отъ прочаго. Если бы въ писаніяхъ евангелистовъ было несогласіе, то ни ереси, утверждающія противное имъ, не приняли бы всего, а только ту часть, которая казалась бы имъ согласной, ни принявшія только часть не были бы изобличаемы этой частью, такъ какъ и самыя 18 малыя части въ писаніяхъ евангелистовъ ясно обнаруживаютъ

свое сродство съ цѣлымъ. Подобно тому, какъ если ты возьмешь, напр., часть ребра, и въ этой части найдешь все, изъ чего состоитъ цѣлое животное—и нервы, и жилы, и кости, и артеріи, и кровь, словомъ, всѣ существенныя части тѣлеснаго состава, такъ точно и въ Писаніи можно видѣть то же самое: и здѣсь всякая часть написаннаго ясно показываетъ сродство съ цѣлымъ. Если бы евангелисты разногласили, то не оказывалось бы и такого сродства, и самое ученіе ихъ давно бы рушилось, такъ какъ *всякое царство, раздѣлившееся на ся, не устоитъ* (Матѣ. хп, 25; Мрк. ш, 24). Теперь же, если и есть у нихъ какія разногласія, *этимъ* только ясно обнаруживается сила Духа (Святаго), убѣждающая людей, чтобы они, держась необходимаго и главнаго, нисколько не смущались ничтожными несогласіями.

4. Гдѣ писалъ каждый изъ евангелистовъ,—этимъ вопросомъ заниматься намъ нѣтъ особенной нужды; но что они не противорѣчили другъ другу, это мы постараемся доказать во всемъ нашемъ толкованіи. Если ты обвиняешь ихъ за разногласіе, то дѣлаешь не что иное, какъ заставляешь ихъ говорить одними и тѣми же словами и употреблять одинъ и тотъ же способъ выраженія. Я не говорю уже о томъ, что и многіе изъ величающихся знаніемъ реторики и философіи, написавъ много книгъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, не только разногласили, но и противорѣчили другъ другу,—иное вѣдь дѣло—разногласить, другое дѣло—противорѣчить. Объ этомъ я уже не говорю: я не имѣю нужды пользоваться ихъ неразуміемъ для защиты (евангелистовъ) и не хочу подтверждать истины ложью. Но вотъ о чемъ охотно спросилъ бы я: какъ заслужили вѣру разногласящіе писанія? Какъ они одержали побѣду? Какъ могли заслужить удивленіе, вѣру и славу по всей вселенной люди, противорѣчившіе одинъ другому? Свидѣтелями ихъ проповѣди были многіе; многіе притомъ были врагами и противниками. Написавъ евангелія, они не скрыли ихъ въ одномъ уголкѣ вселенной, а распространили ихъ всюду, на сушѣ и морѣ, въ слухъ всѣхъ; какъ и теперь, они читаемы были и въ присутствіи враговъ, и ничто изъ сказаннаго въ нихъ никого не соблазняло. И вполнѣ естественно, потому что все во всѣхъ производила и совершала божественная сила. Иначе какимъ образомъ мытарь, рыбарь, неученый могли бы такъ мудрствовать? Чего нѣкогда языческіе мудрецы не могли и во снѣ представить, о томъ они проповѣдуютъ съ великой увѣренностью и убѣдительностью,—и не только при жизни, но и по смерти,—не двумъ, не двадцати человѣкамъ, не сотнямъ, не тысячамъ и десяткамъ тысячъ, а (цѣлымъ) городамъ, племенамъ и народамъ, сушѣ и морю, Греціи и странамъ

варварскимъ, землѣ обитаемой и пустынь, возвышая ученіе, много превышающее наше естество. Оставивъ земное, они говорятъ только о небесномъ, предлагаютъ намъ другую жизнь и новый образъ жизни, иное богатство и иную бѣдность, иную свободу и иное рабство, иную жизнь и смерть, иной міръ, иной уставъ жизни,—все иное. (Они преподають правила жизни) не такъ, какъ Платонъ, составившій пресловутую „Политію“, или Зенонъ, и другіе писавшіе объ общественномъ устройствѣ и составители законовъ. Всѣ они самими произведеніями своими доказали, что ихъ душѣ внушалъ злой духъ, лютый демонъ, воюющій противъ нашего естества, врагъ чистоты, противникъ благонравія и низвратитель всякаго порядка. Въ самомъ дѣлѣ, что еще можно сказать про нихъ, когда они предписывали всѣмъ имѣть общими женъ, выводить па показъ мужчинамъ обнаженныхъ дѣвицъ во время ристалищъ, учинять украдкой браки, когда они ниспровергли и уничтожили всякій порядокъ и извратили уставы самой природы? Что все это—изобрѣтенія демоновъ и противно природѣ, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать намъ сама природа, которая не терпитъ ничего такого. И они писали объ этомъ не среди гоненій, не среди опасностей, не среди браней, а съ полной безопасностью и свободой, часто пользуясь кромѣ того еще многими прикрасами. А между тѣмъ проповѣдь рыбарей, гонимыхъ, бичуемыхъ, проводившихъ жизнь среди опасностей, со всей охотой принимали и простецы и мудрецы, и рабы и свободные, и варвары и греки.

5. И ты не можешь сказать, что ученіе этихъ рыбарей было для всѣхъ удобопріемлемо потому, что оно маловажно и низко. Нѣтъ, оно даже гораздо возвышеннѣе ученія философовъ. Одѣвствѣ, напр., даже объ имени такомъ тѣ не могли и во слѣ подумать, равно какъ ни о нестяжательности, ни о постѣ, ни о какой другой высшей добродѣтели. Между тѣмъ наши учителя не только похоть искореняють, не только дѣйствіе (преступное) подвергаютъ наказанію, но осуждаютъ и безстыдный взглядъ, и оскорбительныя слова, и непристойный смѣхъ, и одежду, и поступь, и крикъ, простирають строгость даже до самаго малѣйшаго. По всей вселенной они насадили сѣмена дѣвства. О Богъ и вещахъ небесныхъ они внушаютъ такіа понятія, какія никому изъ философовъ никогда не могли и на умъ придти. Да и какъ могли имѣть такіа понятія люди, боготворившіе изображенія звѣрей, пресмыкающихся животныхъ и другихъ презрѣнныхъ тварей? И однако такое высокое ученіе (апостоловъ) было принято и послужило вѣру, процвѣтаетъ доселѣ и возрастаетъ съ каждымъ днемъ, а ученіе философовъ отжило, погибло, исчезло легче

паутины. И исполніъ правильно, такъ какъ его проповѣдывали демоны. Вотъ почему, кромѣ безстыдства, оно представляетъ много темнаго и труднаго для уразумѣнія. Что можетъ быть смѣшнѣе, напр., того ученія, въ которомъ философъ, потративъ тысячи словъ на то, чтобы показать, что такое справедливость, все еще старается разъяснить этотъ вопросъ въ длинной и крайне неясной рѣчи? Если бы онъ указалъ что-нибудь и полезное, то для жизни человѣческой и это осталось бы совершенно безъ пользы. Въ самомъ дѣлѣ, если бы земледѣлецъ, или ваятель, или плотникъ, или кормчіи, или другой кто-нибудь, питающійся трудами рукъ своихъ, вздумалъ отстать отъ своего занятія и честныхъ трудовъ, чтобы потратить многіе годы на изученіе того, что такое справедливость, то прежде, чѣмъ узнать это, онъ ради этой самой справедливости изпурилъ бы себя постояннымъ голодомъ и погибъ бы, окончивъ бы жизнь свою насильственною смертію, такъ и не научившись ничему полезному. А наше

20 ученіе не таково. Въ краткихъ и ясныхъ словахъ Христосъ научилъ насъ, въ чемъ состоитъ и справедливое, и честное, и полезное, и всякая вообще добродѣтель. Такъ Онъ говорилъ, напр., что въ двухъ заповѣдяхъ законъ и пророцы висятъ (Матѣ. ххii, 40), то есть въ любви къ Богу и ближнему, или еще: *елика аще хошете, да творятъ вамъ челоуѣцы, и вы творите имъ; се бо есть законъ и пророцы* (Матѣ. vii, 12). Все это удобопонятно и легкопостижимо и для земледѣльца, и для раба, и для вдовицы, и даже для отрока и самаго малосмыслящаго. Такова истина! Доказательствомъ служить опытъ. Всѣ, дѣйствительно, узнали, что нужно дѣлать, и не только узнали, но старались и исполнить (то, что узнали), и не въ городахъ, не на торжищахъ только, а и на вершинахъ горъ. И тамъ ты увидишь великое любомудріе, и тамъ сіяютъ лики ангеловъ въ человѣческой плоти и на землѣ является жизнь небесная. Образъ этой жизни начертали намъ рыбаки, повелѣвая приниматься (за обученіе ему) не съ дѣтскаго возраста, какъ дѣлали то философы, и не узаконяя для изученія добродѣтели опредѣленнаго числа лѣтъ, а наставляя всякій возрастъ безъ исключенія. Ученіе философовъ—дѣтская забава, а ученіе апостоловъ—сама истина. Мѣстомъ для этой жизни они пазначили небо, а руководителемъ и законодателемъ ея признали Бога, какъ и надлежало. Наградами за эту жизнь служатъ не лавровый вѣнокъ, не масличная вѣтвь, не пиршество въ Пританей ¹⁾, не мѣдныя изображенія, не такія пустыя и безполезныя

¹⁾ Пританей (Πρωτανείον) было зданіе, гдѣ давались торжественные обѣды въ честь заслуженныхъ гражданъ.